

Фэн Циншуан поднялась на ноги и сделала шаг, но то ли захмелела, то ли слишком долго просидела на месте — ее покачнуло. Мяо Саньнян подхватила ее под руку и тихо проговорила:

— Наглotalась холодного ветра, вот и опьянела. Иди медленнее, слышишь? Вне дома тебе пить строго запрещено.

Видя, как слаба Фэн Циншуан на спиртное, Мяо Саньнян сразу поняла: если та вздумает выпивать в одиночку, непременно наживет себе неприятностей.

Фэн Циншуан простодушно рассмеялась:

— Вино — штука недешевая, кто станет угощать меня без всякой причины?

Мяо Саньнян пожурела ее еще немного и помогла добраться до кровати:

— Посиди, я принесу горячей воды, умоешься и ляжешь.

Фэн Циншуан послушно уселась на край кровати и, кивнув, стала ждать. Когда Мяо Саньнян вернулась с водой, та действительно покорно дожидалась её. Увидев подругу, Фэн Циншуан встала и, ожидая похвалы, спросила:

— Ну как, я была послушной?

Мяо Саньнян не ожидала такого поворота, почувствовала, как лицо заливают жаром, и поспешно отвела взгляд, сунув полотенце в руки Фэн Циншуан:

— Очень послушной. Давай, умывайся скорее.

Выйдя из комнаты, Мяо Саньнян почувствовала, как холодный ветерок немного остудил ее смущение. Она отправилась на кухню варить отвар, отрезвляющий после вина: если не напоить Фэн Циншуан, утром та наверняка будет мучиться головной болью. В детстве, когда в доме было холодно, а теплых одеял не хватало, Мяо Саньнян сама порой воровала вино, чтобы согреться и уснуть, но наутро всегда расплачивалась тяжелой головой.

Когда она вернулась в комнату с чашкой отвара, Фэн Циншуан уже закончила умываться. Она по-прежнему сидела на краю кровати и что-то бормотала себе под нос. Мяо Саньнян протянула ей напиток:

— Выпей, чтобы завтра голова не болела.

Фэн Циншуан взяла чашку и, как будто вино пила, залпом осушила ее, выдохнула и удивилась:

— Станный какой-то вкус у этого вина.

Мяо Саньнян не стала ничего объяснять. Она прошла за ширму, чтобы умыться самой. Сердце ее бешено колотилось от мыслей о том, что она собиралась сделать, — стук в груди был таким громким, что она перестала слышать все остальные звуки. Пока умывалась, Мяо Саньнян подбадривала себя. Наконец, закончив, она вышла из-за ширмы и обнаружила, что Фэн Циншуан уже лежит в кровати и спит.

Мяо Саньнян разозлилась: выходит, зря она ее поила? Если та уже спит без задних ног, то как же осуществить задуманное? Мяо Саньнян сердито стояла у кровати, сверля глазами спящую Фэн Циншуан, как вдруг ее осенило: в конце концов, Фэн Циншуан пьяна, откуда ей помнить, что произошло?

Мяо Саньнян сняла с подруги обувь, разделась догола сама, бросила одежду на пол и нырнула под одеяло, прижавшись к Фэн Циншуан. Даже зная, что та спит крепким сном, она не могла унять сердцебиение и долго не решалась даже взглянуть на нее.

Спустя долгое время Мяо Саньнян немного пришла в себя, но набраться смелости, чтобы снять одежду с Фэн Циншуан, она так и не смогла. Подумав, она решила, что раз уж она сама уже раздета, то не так уж важно, одета Фэн Циншуан или нет — с ее характером она в любом случае будет чувствовать себя обязанной поступить по совести.

Увы, не все идет так, как хочется. Она и представить не могла, что вдова Фэн Циншуан окажется даже менее искушенной, чем юная девица, не знавшая брака. Утром Фэн Циншуан проснулась рано; из-за вчерашних событий она была настороже и, почувствовав движение рядом, тут же открыла глаза.

Вскоре она заметила, что лежит рядом с обнаженной подругой, и в ее глазах отразилось искреннее изумление. Мяо Саньнян уже приготовилась изобразить обиду, но Фэн Циншуан сама начала ее упрекать:

— Хотя день сегодня жаркий, не стоило же тебе раздеваться догола. Посмотри, набросала вещей повсюду.

Теперь Мяо Саньнян не нужно было притворяться — ей действительно стало обидно. Набравшись храбрости, она осторожно спросила:

— А что, если я скажу, что это ты меня раздела?

Фэн Циншуан без колебаний покачала головой:

— Не вздумай наговаривать на человека! У меня нет таких привычек. Моя одежда в порядке, с чего бы мне раздевать тебя? Если бы мне стало жарко, я бы сняла свою собственную одежду.

В Деревне Фэн все знали о прошлом Фэн Циншуан. Мяо Саньнян же появилась здесь недавно, и, поскольку близких отношений ни с кем не заводила, никто не посчитал нужным рассказывать ей подробности. Фэн Циншуан на мгновение замерла, а потом, немного подумав, ответила:

— Мужа забрали на службу сразу после свадьбы. А зачем ты об этом спрашиваешь?

Мяо Саньнян не могла подобрать слов. Как объяснить, что раздевание — это не всегда из-за жары? Она даже опасалась, что если начнет объяснять, Фэн Циншуан спросит: а для чего еще нужно раздеваться? Что тогда отвечать? Она хотела воспользоваться этим случаем, чтобы Фэн Циншуан решила, будто они уже стали супругами, но лгать в глаза, утверждая, что ночью

между ними что-то было, Мяо Саньнян не могла — она понимала, что Фэн Циншуан все равно не поверит.

Пока они говорили, Фэн Циншуан встала с кровати и подобрала с пола одежду, не переставая ворчать:

— Тебе нужно менять свои привычки. Если будешь жить одна, кто станет подбирать за тобой вещи?

Мяо Саньнян, которая накануне спокойно уснула, предвкушая, как утром Фэн Циншуан, терзаемая угрызениями совести, поклянется заботиться о ней всю жизнь, разочарованно спросила:

— Сколько ты прожила в браке, прежде чем стала вдовой?

Услышав ответ, Мяо Саньнян все поняла: эта женщина оказалась еще несчастнее, чем она сама. Когда Мяо Саньнян вышла замуж, муж был болен, и она вела жизнь «соломенной вдовы», пока он не скончался, но хотя бы несколько месяцев они прожили в одном доме. Фэн Циншуан же всегда была одна.

Поразмыслив, Мяо Саньнян решила, что вокруг да около ходить можно всю жизнь и ничего не добиться — с этим человеком нужно говорить прямо. Колеблясь, она надела под одеялом нагрудник и села:

— А-Шуан, я хочу стать тебе супругой. Быть с тобой всю жизнь. Согласна?

Фэн Циншуан была ошарашена — ей и в голову не приходило, что у Мяо Саньнян могут быть такие мысли:

— Мы же обе женщины, как мы можем быть супругами? — она даже подалась вперед и приложила руку ко лбу подруги, проверяя, не простудилась ли та вчера.

Мяо Саньнян перехватила ее руку:

— А почему женщины не могут быть супругами?

Фэн Циншуан, не теряя спокойствия, высвободила руку, похлопала Мяо Саньнян по тыльной стороне ладони и утешила:

— Мы не можем иметь детей, какая же это супружеская жизнь? Не выдумывай ерунды. Не волнуйся, если случится беда, я всегда помогу. Если не можем быть супругами, будем сестрами. Родными сестрами.

Мяо Саньнян придвинулась ближе:

— Ты никогда не пробовала, откуда тебе знать, можем мы иметь детей или нет? Я не хочу быть сестрой, я хочу быть твоей супругой.

Фэн Циншуан беспомощно вздохнула:

— Никогда не слышала, чтобы женщины становились супругами, нас же засмеют. Разве быть сестрами не лучше?

Мяо Саньнян хотела было возразить, но Фэн Циншуан снова похлопала ее по руке:

— Ты точно простудилась и бредишь. Ложись, поспи еще немного, проснешься — и все пройдет. Мне пора на работу, я уйду.

Мяо Саньнян удрученно растянулась на кровати. Услышав лай А-Фу и звон колокольчика на входных воротах, она пришла в себя. Что ж, раз она все сказала, а Фэн Циншуан хотя бы не выставила ее за дверь — значит, можно попробовать снова и снова. Рано или поздно она уговорит Фэн Циншуан. С этой мыслью Мяо Саньнян с легким сердцем снова уснула.

Бобы после сушки могли храниться долго, поэтому с изготовлением тофу Мяо Саньнян больше не спешила. Чтобы продавать его, не требовалось двоих, поэтому она оставила только мальчишку по имени Чжу Цзы, поручив ему продолжать торговлю. А Фэн Циншуан, решив, что перетирать бобы вдвоем слишком тяжело, купила ослика. Хотя тот был еще маленьким и тощим, зато стоил дешево, а тяжелой работы в доме все равно почти не было.

Вскоре после завтрака Чжу Цзы привел ослика. Мяо Саньнян не ходила с ним: Фэн Циншуан вчера передала деньги, чтобы тот забрал животное, справедливо полагая, что Мяо Саньнян с осликом не справится. Чжу Цзы запряг его в жернов, и, к счастью, камень был небольшим, бобов закладывали немного, так что ослик вполне справлялся. Постоянно занимать жернова у соседей было не делом, поэтому Фэн Циншуан договорилась заказать собственный — через несколько дней он должен был быть готов.

Теперь, когда не нужно было молотить бобы, у Мяо Саньнян появилось больше свободного времени, и она отправилась стирать вещи к колодцу, а Чжу Цзы ушел продавать вчерашнее тофу. К моменту его возвращения Мяо Саньнян уже сварила партию соевого творога и как раз заливала его в формы. Чжу Цзы, будучи прилежным, сразу бросился помогать — уложил и спрессовал тофу, прежде чем уйти. Мяо Саньнян осталась во дворе, пересчитывая выручку за последние два дня.

Когда Фэн Циншуан вернулась, ужин был уже готов. Они ели тофу несколько дней подряд, и Мяо Саньнян больше не устраивала «пир из тофу», однако выбрасывать соевый жмых было жалко: часть уходила на корм курам, собакам и ослику, а часть она обжаривала с овощами — получалось довольно вкусно.

Фэн Циншуан была неразборчива в еде, а приготовлено все было старательно, так что для нее любая еда была лакомством. Она ела с удовольствием, а потом, заметив цветы, стоящие в стороне, с любопытством спросила:

— Сегодня ходила собирать цветы?

Мяо Саньнян кивнула:

— Выдалось свободное время, прогулялась, увидела у наших полей много полевых цветов, красивые такие, вот и набрала немного — дома сразу стало уютнее.

Фэн Циншуан подумала, что Мяо Саньнян гораздо лучше приспособлена к жизни: в ее руках даже самые будничные дни обретают вкус. Если бы они действительно стали сестрами и жили вместе всю жизнь — это было бы счастье. Фэн Циншуан окинула взглядом двор: А-Фу гонялся за курицей, ослик, привязанный у колодца, отзывался на их шум — дом никогда прежде не был таким оживленным.

Фэн Циншуан спохватилась:

— Завтра попрошу кого-нибудь прийти, построим навес, чтобы ослику было где укрыться от ветра и дождя.

Мяо Саньнян тут же добавила:

— Выбери место подальше, а то он шумит, во дворе не стало покоя.

Фэн Циншуан согласилась: действительно, если ночью начнется шум, сна не будет.

— Рядом с домом много пустой земли, поставлю навес там. Думаю, к концу года А-Фу принесет щенков, можно будет поставить щенка охранять ослика.

Этот двор Фэн Циншуан построила перед свадьбой, а когда отец и муж умерли, она разобрала старый дом и перебралась сюда. Вокруг было много пустующей земли, принадлежавшей ей, но, живя в одиночку, она не видела смысла расширяться.

Теперь, когда Мяо Саньнян переехала к ней, двор стал оживленным, и места стало не хватать. Пора было расширяться, но тогда сам дом будет казаться слишком маленьким.

— В следующем году накопим денег и построим еще две комнаты, тогда тебе не придется тесниться со мной, — рассуждала Фэн Циншуан.

Мяо Саньнян подняла на нее взгляд:

— Комнаты построить можно, им всегда найдется применение. Но мне не нужно отдельное помещение — рано или поздно мы станем супругами, так что переезжать туда-сюда — лишь лишние хлопоты.

Фэн Циншуан осеклось:

— Хочешь тесниться — пожалуйста, только не говори больше глупостей про супружество.